

Ю.Ю. Шевченко

УДК 811.161.1'42
ОБЛОМОВЩИНА КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ

Шевченко Ю.Ю.

ОБЛОМОВЩИНА ЯК ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКИЙ КОНЦЕПТ

У статті аналізується мовна репрезентація динаміки перцептивно-образного, понятій-

ного і ціннісного компонентів індивідуально-авторського концепту ОБЛОМОВЩИНА на матер-іалі роману І.О. Гончарова «Обломов».

Ключові слова: індивідуально-авторський концепт, лінгвокультурологія, ціннісна складо-ва

Шевченко Ю.Ю.

ОБЛОМОВЩИНА КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ

В статье анализируется языковая репрезентация динамики перцептивно-образного, по-

нятийного и ценностного компонентов индивидуально-авторского концепта ОБЛОМОВЩИНА на материале романа И.А. Гончарова «Обломов».

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, лингвокультурология, ценностная составляющая

Shevchenko Yu.Yu.

OBLMOVSHCHINA AS INDIVIDUAL AND AUTHOR'S CONCEPT

In article language representation of dynamics of perceptual and figurative, conceptual and valuable components of an individual and author's concept of OBLMOVSHCHINA on a material of the novel of I.A.Goncharov "Oblomov" is analyzed.

Key words: individual and author's concept, lingvual culture, valuable component

В ходе интенсивного развития концептологических исследований в лингвистике возникло множество частично пересекающихся и взаимодополняющих определений концепта. Если не принимать во внимание те работы, в которых термины «концепт» и «понятие» отождествляются, то существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений [6]. Лингвокогнитивная трактовка понятия «концепт» представлена в Словаре когнитивных терминов: концепт как лингвокогнитивное явление — единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [14, с.90]. Часть концептов имеет языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями — образами, картинками, схемами и т.п. [там же]. По мнению В.И. Карасика, лингвокультурный подход определяет в качестве ведущей ценностную составляющую концепта. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было признать лингвокультурным [12, с.5]. Несмотря на отличия, «лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [13, с.97].

Понятие индивидуально-авторский концепт находится в стадии осмысления. В современной лингвистике нередки исследования индивидуальных концептов в творческом наследии писателей [1; 3; 15; 23]. При этом чаще всего подразумевается индивидуальное понимание, «прочтение» конкретной языковой личностью определённого коллективного концепта. В диссертационной работе О.Е. Беспаловой под индивидуально-авторским концептом предлагается понимать «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [3, с.6] В статье Л.В. Миллер этот

феномен определяется как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и ...психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [16]. Считается, что индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные — от микрогрупповых до общечеловеческих — поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Производная эта образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений [20, с.26].

Выход романа И.А. Гончарова «Обломов» стал отправной точкой для концепта ОБЛМОВЩИНА, распространившегося и получившего свое повсеместное признание в русской лингвокультуре. То есть имя концепта сконструировано конкретной личностью, имеет чёткое авторство. Мы полагаем, что концепт ОБЛМОВЩИНА может быть изучен с точки зрения лингвокультурологии как индивидуально-авторский концепт, каковым он являлся на раннем этапе своего становления.

Цель данной статьи — проанализировать начальный этап формирования концепта ОБЛМОВЩИНА в творчестве И.А. Гончарова — создателя вербального репрезентанта — с позиций лингвокультурологии.

Будучи объектами постоянной рефлексии со стороны членов социума, феномены, являющиеся основаниями для образования лингвокультурных концептов, непременно подвергаются регулярному художественному осмыслению. Некоторые из результатов этого осмысления (текстов в широком понимании, включая изобразительные, кинематографические, музыкальные и т.д.) становятся общеизвестными (прецедентными) и, в свою очередь, обогащают концепт новыми элементами [20, с.73].

Художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов — непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида. Объектами отражения и, следовательно, основаниями для формирования концептов становятся не только элементы окружающего нас материально-

го мира, но и порождения воображаемых авторских или фольклорных миров. Концепты этих миров усваиваются сознанием в результате знакомства с произведениями художественной литературы и других видов искусства. В современной нарратологии для обозначения такого свойства художественного текста, как вымышленность изображаемого в нем мира, используется термин «фикциональность» [20, с.73]. По мнению Г.Г. Слышкина, наличие фикциональной составляющей есть непременная характеристика лингвокультурного концепта: «по сути, фикциональная наполненность концепта есть частное проявление его ценностной природы: чем актуальнее ценность для социума, тем интенсивнее ее воплощение в художественных образах» (там же). Именно поэтому для лингвокультурологии, с провозглашаемым ею приматом ценностной составляющей концептов, актуальность изучения их фикциональной природы достаточно высока. Идеи и черты характера, носителем которых стал главный герой романа «Обломов», оказались столь актуальными для русской лингвокультуры, что вскоре имена *Обломов* и *обломовщина* стали нарицательными. Один из известных литературных критиков-современников И.А. Гончарова, А.В. Дружинин, отмечал: «*Обломов* и *обломовщина*: эти слова не даром облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи. Они разъяснили нам целый круг явлений современного нам общества, они поставили перед нами целый мир идей, образов и подробностей, еще недавно нами не вполне сознанных, являвшихся нам как будто в тумане ... *Обломова* изучил и узнал целый народ, по преимуществу богатый обломовщиной, - и мало того, что узнал, но полюбил его всем сердцем, потому что невозможно узнать *Обломова* и не полюбить его глубоко» [11, с.112]. Ещё один современник автора, Д.И. Писарев так отзывается о наименовании, предложенном И.А. Гончаровым: «слово *обломовщина* не умрет в нашей литературе: оно составлено так удачно, оно так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдет во всеобщее употребление» [19, с.72]. Сегодня можем констатировать, что эти слова стали пророческими.

Слово, называющее концепт, исследуется с точки зрения этимологии, словообразования, семантики и т.д. В задачи данного исследования входит всестороннее изучение имени концепта — авторского окказионализма *обломовщина* — как доминанты номинативного поля концепта, обладающего значимым для русского коллективного сознания лингвокультурным потенциалом.

Лексема *обломовщина* создана по оценоч-

но-экспрессивной модели от фамилии главного героя романа с помощью суффикса отрицательной оценки *-щин*. Дериватологи отмечают высокую актуальность данной модели для русского языка, её социальную ориентированность и аксиологическую направленность [4] (ср. образованные по той же модели слова *хлестаковщина*, *манuilовщина*, *сталинщина*, *брежневщина* и т.д.). Учёные считают, что суффикс *-щин(а)* (ср. *-овщин(а)*), служащий для образования отвлеченных слов, которыми обозначаются общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской, является очень продуктивным [4;5]. Соответствующие слова производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность. Суффикс *-щин(а)/овщин(а)* начинает быстро расширять сферу своего употребления с середины XIX в., и наибольшей экспрессивной силы и продуктивности достигает в начале XX в. Ср.: *патриархальщина*, *кружковщина*, *обломовщина*, *уголовщина*, *зубатовщина*, *вкусовщина* и т. п.» [5]. Слова с таким суффиксом всегда экспрессивны, «насыщены» отношением к обозначаемому имени. В большей своей части они отрицательные, часто с ироническим подтекстом, даже с насмешкой. Таким образом, словообразовательная семантика суффикса *-щин* придаёт неодобрительную оценку имени концепта *обломовщина*.

Кроме непосредственно онама *Обломов*, топонима *Обломовка* (родовое имяне главного героя) и авторского окказионализма *обломовщина*, в тексте романа используются и другие отономастические производные: *обломовцы* (жители Обломовки), *обломовская* атмосфера, *обломовская* утопия, *обломовский* стиль и др. Ядром номинативного поля концепта являются лексемы *Обломов* и *обломовщина*.

Что же касается производящего имени, ученые предлагали разные трактовки смысла фамилии главного персонажа, но, говоря о ее генезисе, большинство сходится во мнении, что она происходит от слова «обломок» [7, с. 21; 22]. Некоторые указывали также на старинное слово «облый», которое имело два значения: «круглый» и «толстый, неуклюжий» [24]. Т.И. Орнатская упоминала про «сон-обломон из русских сказок» [18, с. 230]. А.Ю. Балакин предлагает литературную версию происхождения этой фамилии, согласно которой так именовался персонаж водевиля «Первое июля в Петергофе» П.А. Коротыгина [2]. Это произведение пользовалось большой популярностью в своё время, и автор романа «Обломов» вполне мог быть знаком с его содержанием, тем более, что главного героя романа и Обломова из водевиля объединяют некоторые схожие черты.

В тексте романа лексема *обломовщина*

употребляется всего девять раз: впервые, когда Обломов описывает другу свою мечту, идеал жизни, состоящий из мирной деревенской жизни, семьи, задушевных посиделок с друзьями, хорошей еды и прогулок на природе. Штольц реагирует на описанный идеал восклицанием: «— Нет, это не жизнь! — Как не жизнь? Чего тут нет? Ты подумай, что ты не увидал бы ни одного бледного, страдальческого лица, никакой заботы, ни одного вопроса о сенате, о бирже, об акциях, о докладах, о приеме у министра, о чинах, о прибавке столовых денег. А всё разговоры по душе! Тебе никогда не понадобилось бы переезжать с квартиры — уж это одно чего стоит! И это не жизнь? — Это не жизнь! — упрямо повторил Штольц. — Что же это, по-твоему? — Это... (Штольц задумался и искал, как назвать эту жизнь.) Какая-то... обломовщина, — сказал он наконец. — Обло-мовщина! — медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. — Обло-мовщина! Он странно и пристально глядел на Штольца. — Где же идеал жизни, по-твоему? Что же не обломовщина? — без увлечения, робко спросил он. — Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю? Помилуй! — прибавил он смелее. — Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая? — И утопия-то у тебя обломовская, — возразил Штольц» [8, с.179]. Главный герой, по сути, принимает новое слово как обозначение естественного, с его точки зрения, идеала человеческой жизни, как синонима покоя. В этом эпизоде продемонстрирована аксиологическая амбивалентность новоназванного явления, разнонаправленность ценностного вектора в зависимости от точки зрения персонажей. Если для Штольца обломовщина — это в первую очередь обличительное слово (она у него *какая-то*), то непосредственно с ней связанный Илья Ильич совершенно недоумевает и не видит в названном ничего предосудительного, а наоборот, считает её в описанном виде вершиной естественных стремлений каждого человека, *«идеалом утраченного рая»*.

В результате попыток внести ясность в понимание понятия главными персонажами, обнаруживается, что «обломовщина» может быть как «деревенской», так и «петербургской»: «? Так из чего же, — заговорил он (Обломов), помолчав, — ты бьешься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть? — Деревенская обломовщина! — сказал Штольц. — Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом... — Петербургская обломовщина! — возразил Штольц» [8, с.181]. В этом

эпизоде прослеживается несогласие главного героя с той отрицательной оценкой, которую придает явлению (*обломовщине*) Штольц. Когнитивный признак «покой» дополняется позитивными оценочными признаками — «заслуженный отдых» и «почётное бездействие».

Далее И.А. Гончаров, конструируя концептуальное пространство смысла ОБЛОМОВЩИНА, пытается очертить образно-перцептивные характеристики явления через действия и ощущения, воспринимаемые чувственным опытом: «Обломов подошел к своему запыленному столу, сел, взял перо, обмакнул в чернильницу, но чернил не было, поискал бумаги — тоже нет. Он задумался и машинально стал чертить пальцем по пыли, потом посмотрел, что написал: вышло — обломовщина. Он проворно стер написанное рукавом. Это слово снилось ему ночью, написанное огнем на стенах, как Балтазару на пиру. Пришел Захар и, найдя Обломова не на постели, мутно поглядел на барина, удивляясь, что он на ногах. В этом тумане взгляда удивления написано было: «Обломовщина!» «Одно слово <...> а какое... ядовитое!...» [8, с.184]. Описанные автором состояния выражают когнитивные признаки 'разруха', 'запустение', 'неряшливость', 'неаккуратность', которые соотносятся с образно-перцептивным уровнем концепта. Меняется здесь и оценка явления главным героем — с однозначно положительной в начале романа, теперь обломовщина начинает смущать, раздражать и соотноситься с «не должным образом». Порицая слугу за нечистоплотность в комнате и обращая внимание на обилие пыли, главный герой употребляет лексему обломовщина в резко отрицательном контексте: «— Куда ты? Возьми да смети (пыль): здесь сесть нельзя, ни облокотиться... Ведь это гадость, это... обломовщина! — Захар надуду с стороны посмотрел на барина. «Вона! — подумал он, — еще выдумал какое-то жалкое слово! А знакомое!» [8, с.211].

Текст, описывающий момент расставания Ильи Ильича с Ольгой, является дискурсивным воплощением дальнейшего развития концепта ОБЛОМОВЩИНА, который приобретает признаки каузальности и негативной оценочности: «— Отчего погибли все? — вдруг, подняв голову, спросила она. — Кто проклял тебя, Илья? Что ты сделал? Ты добр, умен, нежен, благороден... и... гибнешь! Что губило тебя? Нет имени этому злу... — Есть, — сказал он чуть слышно.<...> Обломовщина!...» [8, с.371]. И.А. Гончаров словами Обломова вкладывает теперь в это «имя», очевидно, следующий смысл: 'инертность', 'безволие', 'слабость', 'непрактичность' и т.д. Он имеет в виду прежде всего нравственно-психологические особенности своего внутреннего мира, темперамента, натуры, отмечается её интенцио-

нальность. Впервые *обломовщина* чётко соотносится со злом, то есть приобретает признаки антиценности. Таким образом, динамика оценочных характеристик концепта, который на начальном этапе имел однозначно положительную оценочность для Обломова, претерпев определённые изменения, кардинально меняет своё направление.

К осмыслению понятия «*обломовщина*» и причин подобного образа жизни друга вернётся Штольц, когда приедет к Обломову в дом на Выборгской стороне. Ольга, ожидая мужа в коляске, с волнением спрашивает: «— *Что ж там делается?* <...> *Да что такое там происходит?* — **Обломовщина!** — мрачно отвечал Андрей и на дальнейшие расспросы Ольги хранил до самого дома урюжое молчание» [8, с. 484].

Наконец, в последний раз концепт объективируется практически в конце романа. Наименование концепта вновь употребляет Штольц, рассказавший своему приятелю-литератору историю жизни Ильи Ильича. В ответ на вопрос знакомого, что же сгубило его друга, Штольц отвечает: «*Причина...Какая причина! Обломовщина!*» [8, с. 493].

Итак, авторский отантропомимический окказионализм *обломовщина*, сконструированный и представленный в романе И.А. Гончарова «Обломов», явился однословной номинацией концепта, описанного в произведении и получившего в дальнейшем широкое распространение в русской культуре. Этот факт позволил нам рассматривать данный концепт, по крайней мере на раннем этапе своего существования, как индивидуально-авторский. В романе наименование концепта функционирует как индивидуальная нравственно-психологическая характеристика главного героя. Кроме уже упомянутых когнитивных признаков, характеризующих ядерную зону концепта, к периферийной зоне можно отнести объективируемые в тексте романа когнитивные признаки 'лень' и 'апатия', вошедшие позже в словарные статьи как объяснение содержания понятия «*обломовщина*» [9; 17]. Аксиологический уровень концепта в тексте романа подтверждается значительным изменениям (от положительной оценки главным героем в начале до категорически негативной в последующем изложении).

Полагаем, что эволюция концепта, его функционирование в современной русской концептосфере и в индивидуальном языковом сознании требует дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьина М.А. Индивидуальный концепт имени Прометей в драме П.Б. Шелли «Прометей освобождённый» / М.А. Ананьина // Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред.

М.В. Пименова. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. – С. 463-468.

2. Балакин А.Ю. Обломов до «Обломова» / А.Ю. Балакин // Обломов: константы и переменные : Сб. науч. статей – Санкт-Петербург.: Нестор-История, 2011. – С. 11-123.

3. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилёва в её лексическом представлении / О.Е. Беспалова: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 24 с.

4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина: Учебное пособие. – Москва: Логос, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-010.htm#2765>

5. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов: Учеб. пособие для вузов/Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=3#s033>

6. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/method.htm>

7. Гейро Л.С. Роман И.А. Гончарова «Обломов» / Л.С. Гейро // Гончаров И.А. Обломов. Л., 1987. – С. 535—537.

8. Гончаров И. А. Обломов. Роман в четырёх частях // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Том. 4. СПб.: Наука, 1998. – 496с.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994 (репринтное воспроизведение издания 1903-1909 гг.).

10. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? / Н.А. Добролюбов // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике : Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 34-68.

11. Дружинин А.В. «Обломов». Роман И.А. Гончарова / А.В. Дружинин // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике : Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 106-125.

12. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996.- С.3-16.

13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

14. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под

общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.245.

15. Лунина И.В. Концепты «ЧЕЛОВЕК» - «ПРОСТРАНСТВО» - «ВСЕЛЕННАЯ» в новеллах С.Д. Кржижановского /И.В. Лунина// Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. – С.707 – 712.

16. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер// Мир русского слова — 2000, №4. – С. 39-45.

17. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: «Русский язык», 1989.

18. Орнатская Т.И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) / Т.И. Орнатская// Русская литература. – 1991, №4.

19. Писарев Д.И. Роман Гончарова «Обломов» //Роман И.А.Гончарова «Обломов» в рус-

ской критике: Сб.статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М.В. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 68-99.

20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г.Г. Слышкин: дис.... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 322с.

21. Тирген П. Обломов как человек-обломок: (К постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») / П. Тирген // Русская литература. – 1990, № 3. – С. 18—33.

22. Уба Е.В. Тайны имени / Е.В. Уба // Мономах. – Ульяновск, 2007. №2 (49).

23. Хатеневич О.А. Концептуализация и категоризация жизнотворчества в художественной картине мира А. Блока / О.А. Хатеневич// Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Полиграфкомбинат, 2006. С.567 – 574.

24. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка / М. Р. Фасмер.. — М.: Прогресс. 1964—1973